

ГАДИЦКАЯ Марина Александровна – к.и.н., доцент; доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов (354348, Россия, г. Сочи, Адлерский район, ул. Куйбышева, 32; marinagaditskay@mail.ru)

ДЕВИАЦИИ КАК КОМПОНЕНТ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО БЫТА В ЮЖНО-РОССИЙСКОЙ КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ 1930-х гг.

Аннотация. В статье рассматриваются негативные стороны трудовой повседневности колхозников, связанные с типичными межличностными конфликтами и использованием откровенных издевательств в колхозных производственных коллективах, обусловленных противоречивыми процессами становления колхозной системы на Юге России.

Ключевые слова: жестокие игры, коллективизация, колхозная система, насилие, продовольственные затруднения, суицид, трудовой быт

Закономерным результатом социальной агрессии, разбухшей и стимулированной в советской деревне сплошной форсированной коллективизацией, стало насыщение и даже, пожалуй, перенасыщение на всем протяжении 1930-х гг. жизнедеятельности колхозного крестьянства разного рода девиациями, конфликтами и конфликтогенными ситуациями. Кроме того, девиантность и конфликтогенность постоянно продуцировались колхозной системой, в особенности такими ее негативными характеристиками, как бюрократизация управления, всевластие начальства, бесправие рядовых колхозников вопреки звучащим тогда декларациям о «колхозной демократии», о чем обоснованно пишет А.С. Левакин [Левакин 2009: 194]. Девиации, в т.ч. хулиганство, насилие, суицид, нередко сопровождали в 1930-х гг. производственный процесс в коллективных хозяйствах Дона, Кубани и Ставрополя и являлись непререкаемым компонентом трудового быта местных колхозников и механизаторов МТС.

Самоубийства, о которых неоднократно упоминается в исторических источниках, зачастую становились реакцией отчаявшихся сельских жителей на широко распространенные в рамках рассматриваемой эпохи перманентные материально-бытовые затруднения и злоупотребления работников колхозной администрации и партийно-советских чиновников своими полномочиями. Представители власти, отчетливо понимавшие многообразие причин происходивших суицидов, вовсе не желали признавать негативные характеристики колхозной системы как неотъемлемый фактор самоубийств и по привычке объясняли таковые причинами «контрреволюционеров» и прочих «врагов народа». Прочитируем прозвучавшее на IV пленуме Северо-Донского окружкома ВКП(б) 29 ноября – 2 декабря 1935 г. утверждение о главной причине самоубийств колхозников: «Ясно, это здесь рука классового врага»¹.

Пирамидальный образ социальной иерархии, имеющей корни в феодально-корпоративном сознании, оказывал сильнейшее давление на индивидуальное поведение колхозников. Разрушение прежних ролевых принципов, усиление дифференциации вызвало и изменение образа общественной иерархии [Лукичев,

¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 30. Л. 94.

Скорик 1995: 113]. Однако в реальной социальной практике даже маленький начальник оказывался прав, потому что у него больше прав.

Распространенным явлением в сфере общественного производства являлись межличностные конфликты между рядовыми колхозниками и трактористами, сопряженные с физическим насилием. Непосредственные мотивы вражды отличались большим разнообразием, причем нередко документы не позволяют ответить на вопрос, чем же обуславливались те или иные межличностные столкновения и ссоры между жителями села. Однако, бесспорно, мощнейшим стимулом для конфликтов между крестьянами становились негативные характеристики колхозной системы, стократно усиливавшие социальную и межличностную напряженность. Ведь, скажем, дефицит предметов ширпотреба, обуви, одежды, продовольственные затруднения вызывали у сельских жителей не только отчаяние и уныние (как говорили современники, «вот на людей и напала тоска, что хлеба нет ни куска»¹), но и рост человеческой агрессии. Так, один из очевидцев при описании состояния и настроений южно-российских колхозников в 1934 г. указывал на данный причинно-следственный комплекс: они «голодают, недобольны колхозами и властью, недобольны против всего, сейчас озлоблены»². В такой ситуации любые противоречия между крестьянами стремительно могли перерасти (и нередко перерастали) в конфликты.

Поводом к конфликту на производстве могли выступить плохая (либо, напротив, ударная) работа: в первом случае лодыря стремились наказать за увеличение от его бездеятельности занятости добросовестных колхозников, а ударников и стахановцев не любили за их производственные достижения, ведь начальство призывало остальных аграриев стремиться к тому же. Случались споры и даже драки из-за плохого ухода за колхозным имуществом, из-за краж и т.д. Одним из весомых поводов к конфликту могла послужить критическая заметка в колхозную стенгазету.

В ряде случаев источники молчат о причинах межличностных конфликтов в колхозе или МТС, но от этого они не становились менее драматичными. В частности, в сентябре 1934 г. в Чернышевской МТС Азово-Черноморского края убили прицепщика Куренного. Сослуживцы сожгли его спящим в передвижном вагончике, служившем трактористам временным пристанищем на период полевых работ. Это сделали трактористы Ульянов, Сафронов и Копылов. Первые двое постоянно хулиганили и издевательски относились к лучшим трактористам, в т.ч. к Куренному. Незадолго до убийства они набросились на него в степи и «стали его давить до такой степени», что он с плачем закричал и умолял отпустить его. Тем самым, мотивом убийства Куренного стало неприязненное к нему отношение как к лучшему трактористу со стороны его менее прилежных, завистливых и хулиганистых коллег.

В источниках содержатся свидетельства и о сопряженных с насилием и издевательствами хулиганских выходках в сфере межличностного общения колхозников. Иной раз такого рода происшествия представляли собой проявление некоей «колхозной дедовщины», когда колхозники со стажем (или возомнившие себя таковыми) позволяли себе грубость и издевательства в отношении молодежи или принятых в колхоз единоличников.

Так, с августа 1934 г. в транспортной бригаде колхоза «Красное знамя» Каргинской МТС Базковского района Азово-Черноморского края, а затем и в 1-й производственной бригаде того же колхоза «проводилось издевательства над колхозниками путем отбития “банок”». Как отмечается в документах, «отбитие

¹ ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 111. Л. 19-20.

² ЦДНИ РО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 111. Л. 222.

«банок» представляло собой «оттягивание кожи на полости живота, спины и т.д. одной рукой и нанесение удара по оттянутой коже ладонью другой руки»¹. «Банки» физически получались довольно болезненными, а после их «отбития» на коже оставались синяки; некоторые колхозники даже плакали, если их подвергали этой процедуре.

Расследовавшие дело сотрудники правоохранительных органов и представители районного руководства не смогли установить, кто именно инициировал «банки» в транспортной бригаде, созданной на время молотбы для перевозки зерна в амбары и на элеватор. Зато они четко зафиксировали, что, когда молотба закончилась и бригаду за ненадобностью расформировали, входившие в нее колхозники вернулись в свои прежние бригады и туда же принесли практику «отбития банок». Она прижилась в производственной бригаде № 1, где такими процедурами руководил бригадный учетчик В.Л. Северякин (39 лет, «казак, белогвардеец, из бедняков»), а участвовали в них колхозники Боков, Колесниченко, Ткачев².

Казалось бы, перед нами очередной факт издевательств возомнившего о себе начальства над колхозниками: ведь бригадный учетчик тоже относился к числу представителей колхозной администрации, хотя эта должность, конечно же, являлась не бог весть какой значительной. Но ситуация оказалась сложнее, поскольку сначала «банки» в транспортной бригаде появились по договоренности самих колхозников между собой. Их «отбивали» тому, «кто нарушит правило личного поведения, как например: ругань площадной бранью, порча воздуха углекислым газом и т.д. и т.п.». Заметим, в производственной бригаде № 1 «банки» в большинстве своем уже практиковались «как мера взыскания, налагаемая на колхозника, допустившего тот или иной проступок по работе»³.

Причем колхозники транспортной бригады даже избрали своего «прокурора», которым стал их же брат Дейнекин: он должен был определять число «банок» для провинившегося. Более того, хотя практика «отбития “банок”» имела широкий размах, сначала они наносились тому или иному согрешившему колхознику «исключительно с его согласия» и лишь впоследствии «стали даваться насильственным путем»⁴.

Противоправная практика «отбития “банок”» показательна для внутриколхозной жизни, ведь наряду с другими колхозниками, а таковых в период с августа по декабрь 1934 г. насчитывалось 13 чел., «банками» наказали даже члена правления колхоза «Красное знамя» заведующего животноводством Мефодия Кружилина. Ему «отбили» две «банки» Северякин, Боков и Ткачев за «намерение взять со двора 1-й бригады одну оконную раму, которую он имел в виду использовать в животноводческой бригаде». Наказание производилось на хозяйственном дворе первой бригады в присутствии других колхозников и даже бригадира упомянутой бригады Маконина, который, однако, просто наблюдал за своими подчиненными и ничего не сделал для пресечения противоправных действий⁵. Бригадир третьей бригады того же колхоза Волненко рассказывал, что «он лично избегал ходить в бригаду № 1, из-за боязни как бы ему не дали там “банок”»⁶. Некоторым колхозникам «банки» «отбивали» неоднократно; страдали от этого беспредела и женщины.

Похожий случай наблюдался в колхозе имени Степана Разина той же

¹ ЦДНИ РО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 43. Л. 23, 62.

² ЦДНИ РО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.

³ ЦДНИ РО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 43. Л. 64.

⁴ ЦДНИ РО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 43. Л. 62.

⁵ ЦДНИ РО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 43. Л. 63.

⁶ ЦДНИ РО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 43. Л. 65.

Каргинской МТС, где с июля 1934 г. по январь 1935 г. в транспортной бригаде «систематически избивались колхозники “столбухой”». Процедура этого наказания в источниках описана следующим образом: «Провинившегося колхозника исполнитель “столбухи” берет левой рукой за волосы на голове, обычно на макушке, после чего правой рукой наносит удар по левой руке, т.е. по руке с волосами». Как и «банки», «столбуха» оказывалась настолько болезненной, что некоторые колхозники (как правило, 17–18 лет) «от нее плакали»¹.

Озорство и хулиганские выходки, постепенно перераставшие в издевательство одних членов колхозов над другими, имели место и далеко за пределами Дона. Так, по свидетельству старшего помощника прокурора Северо-Кавказского края Карпова, в мае 1935 г. на протяжении предшествующих весенних месяцев в колхозе «Путь Ленина» Павлодольской станицы Моздокского района практиковалась система избивания колхозников ложками, сильно напоминавшая «банки» и «столбуху». Группа колхозников (инспектор по качеству Губанов и его зять Мещеряков, а также учетчик М. Юров) систематически проводили подобные мероприятия в отношении колхозников и объявляли это деяние своего рода испытанием при приеме на работу в бригаду. «Таким путем, — утверждал Карпов, — были избиты вновь прибывшие плугатары Шолмеровчев, Пушкарев, затем были тяжело избиты колхозники Сараев, Густомясов и Лисицын». Нанесение побоев ложками практиковалось и в сельхозартели имени XVII партсъезда того же Моздокского района².

Во внутриколхозных конфликтах особенно сильно страдали бережливые колхозники. Так, весной 1930 г. в селе Горькая Балка Терского округа Северо-Кавказского края группа женщин под руководством нескольких монахинь из местного монастыря попыталась разобрать из колхозной конюшни обобществленных лошадей. Конюх, приставленный к лошадям, отказался вернуть их бывшим владельцам. Тогда женщины, пользуясь численным превосходством, применили к конюху физическую силу. При этом «монашки, как одержимые», набросились на несчастного конюха, пытаясь «вырвать [ему] половые органы» [Гадицкая, Скорик 2009: 189].

Таким образом, многообразные девиации в межличностных отношениях колхозников представляли собой негативные и подлежащие осуждению противоправные деяния в формирующейся внутриколхозной жизни в ходе глобального социального эксперимента [Скорик 2001: 39–43], хотя значительная часть колхозников не воспринимала насилие над личностью как преступление. При этом девиации становились характерными чертами трудовых отношений и производственной повседневности в колхозах и МТС Дона, Кубани, Ставрополя в 1930-х гг. Имеющиеся в нашем распоряжении документы и материалы позволяют говорить о преимущественном распространении этих негативных явлений в первой половине указанного десятилетия. Именно тогда в социальной жизни деревни наиболее сильно ощущались деструктивные последствия проведения сплошной коллективизации. Постепенно нормализация обстановки в колхозной деревне на протяжении второй половины 1930-х гг. создавала благоприятную основу для минимизации девиаций и конфликтогенов, хотя говорить об их полной ликвидации не приходилось.

Список литературы

Гадицкая М.А., Скорик А.П. 2009. *Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е*

¹ ЦДНИ РО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 43. Л. 86, 87.

² Карпов. 1935. Избивание ложками. — *Северо-Кавказский большевик*. 6 мая.

годы: гендерный потенциал и менталитет. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ. 324 с.

Левакин А.С. 2009. *Формирование и деятельность административно-хозяйственного аппарата колхозов в 1930-е гг. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья)*: дис. ... к.и.н. Новочеркасск. 257 с.

Лукичев П.Н., Скорик А.П. 1995. Поведенческая типология студенческой группы. – *Социс. Социологические исследования*. № 7. С. 109-115.

Скорик А.П. 2001. *Проблемы экспериментов и ошибок в историческом процессе*: дис. ... д.филос.н. Ростов н/Д. 351 с.

GADITSKAYA Marina Aleksandrovna, Cand.Sci.(Hist.), Associate Professor of the Chair of General History, Faculty of History and Philology, Sochi Institute (branch) of the Russian University of Friendship of the People (32 Kuibysheva St, Adler district, Sochi, Russia, 354348; marinagaditskay@mail.ru)

DEVIATION AS A COMPONENT OF EVERYDAY WORK IN THE SOUTH-RUSSIAN COLLECTIVE FARMS IN THE 1930s

Abstract. *The article deals with the negative aspects of farmers' everyday working life associated with typical interpersonal conflicts and the use of overt bullying in collective production teams, due to contradictory processes of formation of the collective farm system in the South of Russia.*

Keywords: *violent games, collectivization, collective farm system, violence, food difficulties, suicide, work life*